

Т.Н. Дмитриева

БОГАТСТВО И ЕГО СИМВОЛЫ В КУЛЬТУРЕ НИВХОВ

Вопрос о существовании и характере имущественного неравенства у нивхов может быть рассмотрен на материалах второй половины XIX — начала XX в., когда их общественные отношения еще сохранялись в относительно нетронутом состоянии. Л.И. Шренк и Л.Я. Штернберг в своих работах неоднократно упоминали о том, что среди нивхов есть люди, которых называли «богатыми», «зажиточными». Но уже Л.Я. Штернберг на основании материалов, собранных им во время его пребывания у нивхов в 1889–1897 гг., писал об изменениях, связанных с экспансией русских, о тенденции нивхов к «обрусению», поисках ими заработков в городах. Тем не менее в это время традиционные их устои не были еще окончательно расшатаны, и гиляки сохраняли «много добродетелей первобытных племен» [Штернберг 1933: 7]. А.М. Золотарев писал о богатых нивхах, относя это явление к прошлому, разрушавшемуся «вторжением русского капитализма» [Золотарев 1933: 241–244]. Согласно Ч.М. Таксами, к началу XX в. в жизни и способе хозяйства нивхов уже произошли значительные изменения, резко возросла товарность их рыболовства. Но это привело к ухудшению их материального положения из-за смехотворно низких закупочных цен, обмана и закабаления со стороны рыбопромышленников [Таксами 1967: 20]. Е.А. Крейнович, рассказывая о жизни нивхов в конце 1920-х годов, уже вовсе о богатых людях среди нивхов не упоминает. Он приводит только легенды, повествующие о том, как разбогатеть, бывавшие среди нивхов [Крейнович 1987: 115–117].

Что же представляли собой богатые нивхи, каких людей считали «богатыми», «зажиточными»? Понятие «богатство», естественно, должно быть рассмотрено в связи с понятием «собственность».

В рассматриваемый период у нивхов можно отметить два вида собственности, которые различаются по субъекту (кому принадлежит нечто) и по объекту (что именно ему принадлежит).

Первый вид — это коллективная собственность совместно живущих и работающих лиц. Л.И. Шренк пишет о «коммунистическом

духе» гиляков в том, что касается традиционных способов жизнеобеспечения: рыбной ловли, заготовки юколы, охоты на морских животных, строительства и использования зимних жилищ: «Коммунистический принцип у гиляков широко применяется также в их рыболовной и охотничьей деятельности. Все водное и лесное пространство в стране доступно для охоты каждому, кроме тех мест на реке, где устроены “заборы” для ловли семги, или в лесу, где кем-нибудь поставлены самострелы и ловушки» [Шренк 1903: 37].

Коллективная собственность на рыбные и охотничьи угодья — это не что иное, как «природное единство с объективными, естественно сложившимися условиями производства» [Кабо 1986: 9]. Такая форма собственности находится как бы на грани системы понятий политэкономии, она не является еще в полном смысле этого слова категорией политэкономии. Из всего комплекса явлений, составляющих в политэкономии понятие «собственность» — «владение», «распоряжение», «пользование», коллективную собственность архаики характеризует только «пользование». Л.Я. Штернберг пишет, что «гиляки никогда не заявляют претензий на близлежащие территории, которыми они сами не пользуются. Пользование есть неограниченный элемент собственности» [Штернберг 1933: 11]. «Гиляк не имеет обыкновения сам лежать на сене, не есть и другим не давать. Сплошь и рядом гиляки переселяются из одного селения в другое или наезжают на известные сезоны для рыбной ловли или для нерпичьего промысла, и коренные жители селений и не думают считать это за нарушение каких бы то ни было их прав. Не спросясь ничьего позволения, переселенец построит себе юрту, будет ловить рыбу, бить нерп, охотиться за дичью и пр.» [Там же: 12]. «У гиляков отсутствует даже сознание права собственности на территории, и не только по отношению к своим, но и к чужеплеменникам. Когда лет 50 тому назад на Сахалине появились бродячие тунгусы, которые стали охотиться на исконных территориях гиляков, никому в голову не приходило протестовать против этого...» [Там же: 50].

Такая коллективная форма собственности на землю, точнее коллективная форма использования территории и ее ресурсов, возможна только при условии малой плотности населения и практически безграничных природных ресурсов, то есть тогда, когда люди не мешают друг другу в своей хозяйственной деятельности, когда им

просто незачем эти ресурсы делить. Эти условия в рассматриваемом регионе сохранялись, видимо, на протяжении всего времени до начала «второй русской колонизации», то есть до середины XIX в.

Такая форма собственности вообще характерна для охотников, собирателей и рыболовов, живущих в традиционных условиях. Сопутствующий этому типу обществ синкретизм экономической, социальной, религиозной, нравственной, художественной и прочих составляющих их жизни¹ ответствен за то, что самими людьми отношение к земле, а точнее к окружающей природной среде, с которой связана их жизнедеятельность, воспринимается иначе, чем в обществах с рыночной экономикой. Это не владение, а личностные отношения. Здесь, как справедливо считает О.Ю. Артемова, «человек выступает не как собственник, но как хранитель определенной территории и ее природных богатств, а модели землепользования отражают не отношения собственности, но организационно-нормативные системы, призванные регулировать распределение населения и использование ресурсов» (цит. по: [Бондаренко 2010: 149]). Можно привести множество примеров такого отношения к земле у самых разных народов (см.: [Кабо 1986]).

У народов юга Дальнего Востока, в частности у нивхов, отношение к их природной среде выступает в форме взаимоотношения с многочисленными мифическими «людьми», населяющими тайгу, горы, реки, море, и мифическими же «хозяевами» природы: водяным, таежным и т.п., а также с хозяином (хозяйкой) очага, жилища и т.п., которые в неменьшей степени ответственны за регулирование отношений охотника с природной средой.

Неоднократно отмечалось, что взаимоотношение архаических обществ с их природным окружением носит ярко выраженный экологический характер, характер заботы о сохранении природы, восполнении ущерба, нанесенного присваивающей деятельностью охотников и рыболовов. Экологическая направленность имеет место

---

¹ «Первобытный синкретизм <...> — это не только взаимопереплетение различных сфер общественного сознания в процессе их формирования, но и органическое слияние их с жизнью общества в целом во всех ее проявлениях. Такая высокая степень взаимопроникновения многообразных явлений духовной культуры и общественной жизни наблюдается только на ранних стадиях социального развития» [Кабо 2002: 13].

в обыденно-поведенческой и религиозной сферах. Она проявляется в необходимости соблюдения ряда запретов при охоте, ритуальной заботе о возрождении зверей, почитании и регулярных жертвоприношениях духам-хозяевам природы.

Итак, с позиции рассмотрения культуры «изнутри» (эмический подход, по терминологии К.Л. Пайка) связь с используемой территорией и всей природной средой может быть охарактеризована в терминах организационно-нормативной и этической систем, регулирующих эти отношения. С позиции же рассмотрения культуры «извне» (этический подход), с позиции экономической науки можно говорить о коллективной собственности-пользовании территорией живущей на ней группой людей.

Такая же коллективность характеризует и использование продуктов охоты, рыболовства, собирательства, то есть всего того, что составляет основу жизнеобеспечения нивхов. Эти продукты хотя и поступают в пользование каждого отдельного домохозяйства, но каждый человек, нуждающийся в пище сам или в корме для своих собак, может получить все необходимое в любом доме. Пища и все необходимое для жизни безусловно доступно любому члену коллектива. «Коммунизм и индивидуализм сочетаются без всяких трений» [Штернберг 1933: 52]. «При общей охоте, например, за морскими животными на одной лодке хозяин этой последней, он же обыкновенно и самый искусный добытчик, получает не больше последнего подростка-гребца и, кроме того, часть добычи раздается и тем семьям, члены которой почему-либо не могли участвовать в охоте. Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляка, рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышли запасы, берет ее у соседа без всяких возражений. Во всяком случае никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы» [Там же: 40].

То же касается использования лодок, саней, рыболовных снастей и даже зимних жилищ, несмотря на то что строительство последних требует значительного времени и сил. «Жилища гиляков являются, правда, общей собственностью нескольких семейств, участвовавших в постройке, но в то же время они составляют предмет безвозмездного пользования со стороны сородичей и вообще всякого, просящего об этом» [Там же: 12].

Таким образом, в рассматриваемый период у нивхов существовала коллективная собственность-пользование на территорию с ее ресурсами на средства труда и на средства жизнеобеспечения, имеющиеся в данном коллективе.

Рассмотрим теперь второй вид собственности. На фоне коллективизма, связанного со сферой жизнеобеспечения, у нивхов в рассматриваемое время также ярко выделялась индивидуальная (семейная) собственность. Объектом ее являлись территории пушной охоты («соболиные речки»), сама пушнина, предназначенная для продажи китайцам и другим торговцам, и предметы, полученные в результате этой торговли.

В отличие от мест рыбного и охотничьего промыслов, результаты которых ориентированы на потребление внутри коллектива, места промысла пушного зверя четко поделены между отдельными семьями. Пушной промысел у нивхов имел товарный характер. Как писал А.М. Золотарев, торговля нивхов с китайцами имеет давнюю историю — с XII в., когда гиляки попали в сферу притяжения Китая [Золотарев 1933: 239]. Однако Л.Я. Штернберг не считал торговые отношения с китайцами столь давними. «Еще и теперь свежо в памяти гиляков то время, когда соболи и лисицы ходили во множестве и безбоязненно вокруг гиляцких жилищ, и никто их не убивал, предпочитая одеваться в собачьи меха. И вдруг за этих зверьков стало возможно получать самые желанные предметы» [Штернберг 1933: 136].

Но в любом случае именно торговля с более развитым в культурном отношении народом обусловила некоторые, хотя и не слишком кардинальные, изменения в материальной основе и социальной жизни гиляков.

На это указывал Л.И. Шренк. Отмечая традиционные «коммунистические» отношения среди нивхов по поводу запасов пищи, использования жилищ и т.п., он пишет, что наряду с этим у них существовали «резкие различия на основе большего или меньшего благосостояния». Причину этих различий и, так сказать, сферы их действия он видит в торговле, которую из всех народов Амура и Сахалина именно нивхи благодаря своему «практическому и промышленному духу» вели с китайцами и другими соседними народами.

Что же представляло собой «богатство», которое приобретали нивхи в результате обмена на пушнину? Это, как называет их Л.Я. Штернберг [1933: 40], «предметы роскоши» или, как пишет Л.И. Шренк, «предметы условной ценности». «Есть разряд предметов *suī generis*, которые составляют исключительную индивидуальную собственность гияка. Это его “богатство”». Оно переходит из поколения в поколение, от отца к сыну [Штернберг 1933: 12]. Это особое имущество, «состоящее из непотребляемых предметов, предназначенных только для исключительных случаев — калыма, приданого, выкупа, похорон. Делится на железное — большие чугунные котлы, орнаментированные серебряной инкрустацией копья, дорогие японские сабли, кольчуги и т.п., идущие главным образом на калым; меховое, состоящее из дорогих меховых шуб, идущих главным образом на приданое; шелковое — китайские шелковые материи и одежды, в которые облачаются в торжественных случаях и обряжают покойников» [Там же: 40, примеч.].

Интересно, что и это «богатство» свободно хранилось в амбарах, которые никогда не запирались, и никому не приходило в голову что-либо украсть [Там же: 14].

Одной из непременных составляющих нивхского «богатства» являлись наконечники копий, украшенные сложным орнаментом, выполненным в технике инкрустации серебром, медью и латуной. Вопрос об их происхождении и функции не решен окончательно. С одной стороны, они постоянно фигурируют в группе нефункциональных «драгоценностей», служащих для символических целей. Л.И. Шренк специально оговаривает, что эти копья никогда не используются по своему прямому назначению: «...но такие копья вообще не употребляются в дело. Бережно завернутые в березовую кору, они хранятся как знак особенного богатства». Их «хранят как капитал, который передают по наследству и только в крайнем случае пускают в оборот, например для приобретения жены» [Шренк 1899: 247–248, 253]. При этом неясно, были ли они наряду с другими металлическими предметами — котлами, панцирями — предметами, покупаемыми на пушнину.

Л.Я. Штернберг пишет о них как об изделиях маньчжурского производства [Штернберг 1933: 141]. Однако Л.И. Шренк считает, что такие наконечники копий изготавливали сами нивхи, и даже

указывает, где именно. В бытность его на Амуре «особо славилась оружейным производством деревня Хыльк, расположенная вверх по реке, неподалеку от дер. Пат». Оттуда же, *как ему говорили* (курсив мой. — Т.Д.), произошли и изображенные на т. XXXI, ф. 2, и т. XLVI, ф. 4 и 5, экземпляры оружия, которые он приобрел в Тебахе у богатого гиляка Юдина с сыновьями, дорого заплатив за них разным товаром [Шренк 1899: 253]. Сам же Л.И. Шренк, хотя и описывает технологию производства обычных железных предметов, при изготовлении которых он присутствовал, не видел, как делают копьа с инкрустацией.

Более того, технология изготовления подобных предметов вообще не рассматривается теми авторами, которые считают, что это изделия именно самих нивхов. Так, Ч.М. Таксами в статье о коллекции вещей, подаренных нивхами села Кальма МАЭ РАН в 1957 г., описывает копье с наконечником, украшенным инкрустацией из меди и серебра. Он указывает, что это копье было сделано мастером-нивхом. Далее же он пишет, что «в прошлом подобные копьа имели многие нивхские семьи; делали их сами или приобретали у соседних народов» [Таксами 1964: 194]. Остается неясным, у каких народов приобретали нивхи такие копьа, и если они их делали сами, то как именно.

Если символическое значение этих копий как престижных предметов достаточно очевидно, то не вполне понятно их первоначальное функциональное назначение. Л.Я. Штернберг писал о том, что эти копьа свидетельствуют о более воинственном прошлом гиляков: «О прежних воинственных наклонностях гиляков красноречиво свидетельствуют хранимые ныне как драгоценность тяжелые копьа с серебряной резьбой, копьа, которые еще очень недавно служили не для одного только украшения» [Штернберг 1933: 5].

Л.И. Шренк об утилитарных функциях копий с инкрустацией ничего не пишет, настаивая на функциях только символических. Ч.М. Таксами считает, что с ними охотились на медведя. Л.И. Шренк же указывал, что на медведя охотились с более простыми, неукрашенными копьами, а также с пальмами и рогатинами. В.А. Тураев приводит мнение, что копьами, украшенными инкрустацией из меди и серебра, убивали медведя на празднике: «В литературе их нередко характеризуют как ритуальное оружие, которым убивали

медведя на медвежьем празднике» [Тураев 2008: 71], но автор не дает ссылки на эту литературу. Известно, что на медвежьем празднике нивхи всегда, насколько можно судить по многочисленным опубликованным данным, убивали медведя стрелой из лука (см., например: [Шренк 1903: 78; Штернберг 1933а: 63–64; Крейнович 1973: 208; Таксами 1977: 109]).

Исследованию функций старинного копья с инкрустированным наконечником из нивхского селения Нижнее Пронге Николаевского района посвящена статья Анастасии Рыбаковой (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова). Исследовав его боевые характеристики и способы охоты, она приходит к выводу, что копье по своим физическим свойствам могло служить для охоты на медведя [Рыбакова 2011].

Однако каково бы ни было происхождение и первоначальное назначение копий с инкрустированными наконечниками, уже во времена Л.И. Шренка они имели чисто символическое, престижное значение.

У соседних народов — ульчей и нанайцев — аналогичные копья до сих пор или до недавнего времени функционировали как символические, ритуальные предметы. Так, в Гродековском музее хранится ульчский наконечник ритуального копья, датируемый XIX в. Наконечник принадлежал отцу матери (дедушке) Киле Анатолия Кирисовича — Даргачи Пучка (1870 г.р.), жившего в с. Удан Ульчского района. Село Удан было затоплено во время наводнения в начале 1930-х годов. Наконечник копья перешел по мужской линии Даргачи Пучка от его отца [Официальный сайт Гродековского музея, раздел «Этнографические коллекции»].

Г.Т. Титорева в статье о погребальных обрядах ульчей сообщает, что ритуальное копье, инкрустированное серебром и медью, было положено в гроб при похоронах отца одного из ее информантов в 1949 г. [Титорева 2009: 180].

У нанайцев аналогичные копья *огдо* служили ритуальными женскими посохами, их использовали на свадьбе, они служили оберегом женщины в ее новой семье и оберегом ее детей. Наконечник *огдо* знатных родов был покрыт узором. *Огдо* никогда не применяли на охоте [Самар 2003: 101].

Однако в качестве калыма, приданого и т.п. использовались не только предметы, имеющие символическую ценность. Л.И. Шренк приводит список предметов, которые его знакомый гиляк Ссогин в Куике заплатил за свою вторую жену Малгук из Лангра: шесть больших выложенных серебром копий, два больших китайских котла для очага, четыре большие лодки, двадцать собак [Шренк 1903: 2]. За одну из дочерей Юдина из Тебаха ее жених Хоссиамбо (ульча), заплатил: пять штук китайской шелковой материи, один большой китайский котел для очага, один японский котел с трех ушками, один маньчжурский железный панцирь, одного крупного медведя и пять отборных собак [Там же: 3]. То есть показателем богатства были также и вполне утилитарные, используемые в хозяйстве объекты — лодки, собаки и пр.

Также на пушнину приобретались не только предметы «условной ценности», но и некоторые отсутствующие в традиционном быте нивхов продукты питания и «предметы удовольствия», как называет Л.И. Шренк водку и табак. Продукты питания, приобретаемые у китайцев, — это мука, рис, греча и т.п. Но и они не использовались в обыденной жизни и сохранялись для праздничных пиров. Престижным для устроителя праздника было выставление на празднике большого количества продуктов такого рода для угощения всех присутствующих.

Что же представляли собой люди, которых называли «богатыми»? Л.И. Шренк встречал во время своей поездки целый ряд таких людей. В первую очередь это Юдин из селения Тебах, с которым он неоднократно встречался и бывал у него на медвежьем празднике. Также ему называли и других богатых людей — Нумкви́на в Вайре, Анзина в Каки, Ссондо́ма и его сына Либгу́на в Чылме, Иондо́ма в Колме, Пызгу́на и Мезгу́на в Патте [Шренк 1903: 35]. Вот как характеризует Л.И. Шренк богатых нивхов: «Богатый гиляк, который может часто ездить торговать к маньчжурам и сизамам и запастись там как всем необходимым для жизни, так и предметами роскоши, получает особый вес и возвышается в глазах более бедных. Они могут во всякое время сбывать ему свою охотничью добычу, выменивая звериные шкуры на одежду и пр. В случае нужды они могут рассчитывать на его помощь и получить от него кое-что в долг, а то и даром. Затем путешествия и сношения с людьми за пределами родины

дают богатому гиляку такую широту взглядов и опытность, делают его настолько пронизательным и рассудительным, что он и помимо материального значения приобретает большее влияние на своих соотечественников. Благодаря своим средствам он делается как бы душой общественной жизни своего села. В его доме устраиваются веселые сборища и пиры, сопровождающие медвежьи празднества, а в этих пиршествах принимают участие как его друзья по торговым делам, так и беднейшие односельчане. Вследствие этого само собою является у гиляков подчинение одних лиц другим в общественных отношениях на основе их большего или меньшего благосостояния» [Там же: 34]. Мы видим, что Л.И. Шренк акцентирует внимание на торговле, которая, по его мнению, не только является источником «богатства», но и способствует приобретению человеком ряда положительных качеств и усилению его авторитета среди сородичей.

Л.Я. Штернберг же рассматривает этот вопрос в более широком контексте нивхской культуры. Богатые люди — «так называемые *ызи* — «хозяева», иначе: *урдла-нивухи* — хорошие, то есть богатые, выдающиеся люди (хороший, богатый — синонимы у всех первобытных народов). Это индивиды, пользующиеся благосостоянием благодаря своим исключительным индивидуальным достоинствам — храбрости, ловкости, силе, предприимчивости, уму, ставящим их в преимущественное положение в деле добывания средств к жизни» [Штернберг 1933: 55]. Интересно, что слово *урдь* — быть здоровым — приобрело еще и этическое содержание: «быть хорошим, положительным» [Тураев 2008: 236]. Характеризуя взаимоотношения внутри гиляцкого общества и описывая гиляцких богачей, Л.Я. Штернберг писал: «... что такое *ызь*, как не та же цельная личность, в ее высшем проявлении индивидуальности. Влияние *ызя* поэтому чисто фактическое, моральное; между ними и его сородичами нет еще никакой пропасти ни в умственном, ни в экономическом отношении, и в то же время над всеми доминирует высшая братская связь религиозно-социального союза рода» [Штернберг 1933: 55]. Такой человек в силу своей мудрости и рассудительности часто выступает в качестве *хлай-нивуха* — «посредника при улаживании конфликтов».

«...Благосостояние человека зависит, следовательно, исключительно от его способностей и усердия. Неравенство, которое при

более сложных условиях, является источником раздоров и социальной розни, здесь не проявляет своих терниев. Богатый человек всем обязан исключительно лично своим талантам и добродетелям. Его накопления никого не могут ни поработать, ни унижать» [Там же: 53].

Таким образом, богатство у нивхов в рассматриваемый период является еще не столько экономической, сколько личностной характеристикой. Оно относится к комплексу положительных черт, характеризующих уважаемого, щедрого и достойного человека, которому покровительствуют и духи — хозяева природы, и родовые божества.

Итак, несмотря на внешний, чужеродный характер импульса, вызвавшего появление богатых людей у нивхов в середине — второй половине XIX в., сам процесс приобретал формы закономерные и аналогичные формам у других народов, затронутых начальным этапом имущественного расслоения. Это позволяет предположить, что дело не только в торговле с китайцами. Может быть, в это время и внутреннее состояние нивхского общества было предрасположено к развитию социально-экономической дифференциации.

Библиография

Бондаренко Д.М. Некоторые ключевые проблемы изучения охотников-собирателей в контексте общей теории эволюции архаических социумов. Рец. на: Артемова О.Ю. Колена Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009 // ЭО. 2010. № 3. С. 146–155.

Золотарев А.М. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков // За индустриализацию советского Востока. М., 1933. № 3. С. 233–247.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.

Кабо В.Р. Круг и крест. Размышление этнолога о первобытной духовности. Канберра, 2002.

Крейнович Е.А. Нивхгу. М., 1973.

Крейнович Е.А. Этнографические наблюдения у нивхов в 1927–1928 гг. // Страны и народы Востока. М., 1987. С. 107–123.

Рыбакова А. История нивхского копья // Словесница искусств. 2011. № 2. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/951>

Самар Е.Д. Под сенью родового древа. Хабаровск, 2003.

Таксами Ч.М. Дар нивхов Музею антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. М.; Л., 1964. Т. 22. С. 192–199.

Таксами Ч.М. Нивхи (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967.

Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1977. (Сб. МАЭ. Т. 33). С. 90–116.

Титорева Г.Т. Похоронно-поминальные обряды ульчей (по материалам экспедиций) // Сибирский сборник. СПб., 2009. Вып. 1. С. 178–185.

Тураев В.А. (отв. ред.) История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки. СПб., 2008.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. 3.

Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933а.